

К лингвистическим воззрениям Франца Боаса

© 2023

Игорь Валерьевич Кузнецов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
i.kuznetsov@iling-ran.ru

Аннотация: Франца Боаса (1858–1942) признают отцом-основателем не только современной антропологии (культурной, биологической), но и антропологической лингвистики. Начав с естественнонаучных штудий в ряде немецких университетов, он затем заинтересовался культурой и языками коренных народов Северной Америки. В особенности Боаса интересовала роль апперцепции в усвоении языка. В дальнейшем результаты наблюдений над восприятием языка будут перенесены им на широкое поле культуры, а действию апперцепции уподоблен процесс аккультурации — прививания каждому отдельному члену общества культурных норм и ценностей. Уже ранние публикации Боаса содержат истоки идеи языковой относительности, оформившейся впоследствии в т. н. «гипотезу лингвистической относительности Сепира — Уорфа». Чрезвычайно интересно и оригинально боасовское отношение к концепции фонемы, формирование которой падает именно на годы творческой активности и наиболее ярких достижений школы Боаса. Наконец, особенности стиля полевых исследований этого американского ученого, как и «анализм» в его работе над грамматиками индейских языков, безусловно повлияли на развитие дескриптивной лингвистики в целом.

Ключевые слова: Боас Ф., история лингвистики, лингвистика в США, лингвистическая относительность, фонология, этнолингвистика

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20–18–00159); организация, осуществлявшая финансирование, — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

Для цитирования: Кузнецов И. В. К лингвистическим воззрениям Франца Боаса. *Вопросы языкознания*, 2023, 3: 143–157.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.143-157

Towards Franz Boas's linguistic views

Igor V. Kuznetsov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
i.kuznetsov@iling-ran.ru

Abstract: Franz Boas (1858–1942) is recognized as the founding father not only in modern anthropology (cultural, biological), but also in anthropological linguistics. Starting with geographical and physical studies at several German universities, he later got interested in the culture and languages of the indigenous peoples of North America. Boas was particularly interested in the role of apperception in language acquisition. Eventually, he transferred the results of his observations on language perception to the wide field of culture, developing the notion of acculturation analogical to apperception. Already the early Boas's publications contain the origins of the idea of linguistic relativity, which later will be formulated in the shape of the so-called “Sapir–Whorf Hypothesis”. Extremely interesting and original was Boas's attitude to the concept of phoneme, which was formed precisely during the years of creative activity and the most striking achievements of Boas's school. Finally, the peculiarities of the fieldwork

style of this American scholar, as well as his “analytism” in work on the grammars of Native American languages, certainly influenced the development of descriptive linguistics in general.

Keywords: Boas F., ethnolinguistics, history of linguistics, linguistic relativity, linguistics in the USA, phonology

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 20-18-00159).

For citation: Kuznetsov I. V. Towards Franz Boas’s linguistic views. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 143–157.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.143-157

1. Место Боаса и его идей в истории лингвистики

Несмотря на признаваемое значительное место Франца Боаса в истории лингвистики, прежде всего дескриптивной [Stocking 1992: 60–91; Darnell 1998: 243–298 *passim*; Zumwalt 2019: 105–106, 190, 330 *etc.*], влияние отдельных его публикаций не столь однозначно и прямолинейно, как могло бы показаться. А в ряде случаев смелые, и не только для своего времени, идеи германо-американского антрополога вовсе недооценены. Возродить интерес к некоторым из них, взглянуть на все происходившее в более широком историческом контексте и входит в скромные задачи данной статьи.

Известно, что Роман Якобсон [Jakobson 1944: 190–191] сравнивал боасовский вклад в повестку современного языкознания «с исторической ролью Лобачевского, Эйнштейна и других борцов с эгоцентричной традицией», имея в виду кардинальный разворот, который дескриптивизм помог осуществить лингвистике — от «индоевропейского империализма» к многообразию неевропейских и не только письменных языков. Здесь про империализм было написано задолго до оформления постколониального дискурса, так что Якобсону пришлось прибавить — «как шутят русские (читай советские — *И. К.*) лингвисты». К слову, описанный им путь американской лингвистики от индоевропейского языкознания был пройден буквально Э. Сепиром, А. Крёбером, Т. Майклсоном, Л. Блумфилдом и др., начинавшими свою персональную траекторию как германисты или исследователи других языков и культур Старого Света, а затем не без влияния Боаса обратившимися к изучению и описанию языков американских индейцев.

Особенное восхищение Боасом-лингвистом характерно для его учеников, многие из которых сами стали на том же поприще классиками. О пресловутой научной требовательности учителя расскажет Крёбер, бывший в числе первых слушателей знаменитого боасовского курса «*American Indian languages*» в Колумбийском университете и первым, кто получит там докторскую степень по антропологии. В самом начале (1896) занятия проходили еще у Боаса дома на 82-й улице, вблизи от Американского музея естественной истории — еще одного рабочего места мэтра. По вторничным вечерам, прямо «за расчищенным семейным обеденным столом» он «представлял студентам подстрочный текст и приступал к его анализу, раскрывая структуру языка по ходу дела», даже не считая нужным разжевывать аудитории, что *q* являет собой «велярный» (увулярный — *И. К.*), а *k'* — глоттализированный *k*. Присутствующие едва выдерживали, чтобы не сойти с дистанции. Вторым был археолог из музея, третьим — студент, вообще разочаровавшийся в антропологии, «которому потребовалось несколько кварт баночного пива из ближайшего салуна, чтобы преодолеть напряжение от двухчасового занятия по чинукскому или эскимосскому языку» [Kroeber 1943: 14–15].

Впрочем, для современников, не занятых изучением коренного населения Америки, успехи такой лингвистики не казались настолько очевидными. После смерти Боаса самые именитые из его учеников (А. Крёбер, Р. Бенедикт, М. Херсковиц, Г. Рейчард и др.) в специальном мемориальном выпуске «*American Anthropologist*» отливали в бронзу его вклад в каждой из научных областей — культурной и физической антропологии, археологии и т. д.

Сепир умер еще раньше, и лингвистическая тема досталась Мюррэю Эмено. Эта часть воспоминаний, естественно предусматривающая здоровую критику, получилась самой краткой и наименее глубокой. Об успехах Боаса в записи «незнакомых и трудных языков» дравидолог Эмено не решился писать вовсе, отшутившись лишь, что редакторы журналов больше не отклоняют статей *гурупарампарā* (представляющих цепочку преемственности ведического знания), как когда-то отказывали в публикации самому *гуру* (Боасу), лишь из-за наивной убежденности, что «не бывает слова, которое не содержало бы гласного» [Emeneau 1943: 36–37]. В веере отношений к боасовскому наследию крайняя позиция — вероятно, у Блумфилда, что объяснимо рядом причин, а больше всего личностными. Боас ни разу не упоминается на страницах трактата «Язык» этого великого языковеда, строящего собственную концепцию истории лингвистики преимущественно на европейских именах [Блумфилд 1968: 17–34].

Возможно, самым вопиющим примером недооцененности Боаса является история научных поисков в области т. н. лингвистической относительности. Долгое время гипотеза о существенном «обратном» влиянии языковых категорий на когнитивные была широко известна как «гипотеза Э. Сепира — Б. Уорфа», хотя уже в 1950-е гг. ряду авторов было ясно, что задолго до этих двух ученых, соответственно, ученика и ученика ученика Боаса, сходные мысли сформулированы были им самим, пусть и в менее четкой форме [Hoijer 1954: 92–93; Kluckhohn, Prufer 1959: 13]. Действительно, еще в работах 1880-х гг. находим у Боаса пассажи, повторяющиеся даже в деталях, о проблеме распознавания цветов в окружающей реальности, для которых отсутствуют названия в соответствующем языке, ср.:

[Boas 1886: 206]: «Цвета [в языке белла кула — *И. К.*], обозначающиеся отдельными словами, суть красный, желтый и синий. Граница между двумя последними неопределенна, так что зеленый считается то желтым, то синим (<...>)».

[Boas 1889: 50]: «(<...> [В]о многих языках отсутствует термин для зеленого. Если мы покажем индивиду, говорящему на таком языке, серию зеленых гарусов, часть их он назовет желтыми, другую часть синими, [а] границы обеих частей будут вызывать сомнения».

Не вдаваясь в подробности, отметим, что такой интерес вполне вытекал из его ранних взглядов на язык, сформированных еще в Германии кругом идей «психологии народов» Х. Штейнтала и М. Лацаруса [Silverstein 2015: 102–104]. В дальнейшем, во введении к первому тому «Handbook of American Indian languages» («Руководства по языкам американских индейцев»), который рассматривают в качестве венца боасовского дескриптивизма, он распространит свое наблюдение, снабдив новыми примерами: каждый конкретный язык представляет собой продукт этнически окрашенного видения мира, но и сам классифицирует «бесконечно разнообразный» личный опыт, посредством «ограниченного числа фонетических групп». Чтобы подтвердить свой тезис, Боас сошлется на разнообразие терминов, связанных с идеями — в английском «воды» (*river, brook, dew, wave, foam* и др.), а в эскимосском — «тюленя» и «снега», ср. *aput* «снег на земле», *qana* «падающий снег», *pigsirpoq* «метель» и *qimutsuq* «сугроб». Различия могут быть весьма велики: если в языке дакота с помощью производных форм «элемента» *-xtaka* «хватать» передается широкий спектр значений от *paxta* 'lca' «связывать в пучки» до *uaxta* 'ka' «кусать» и *ic* 'a' *xtaka* «находиться вблизи», то в английском для них существуют отдельные слова [Boas 1911: 24–26]. Отсутствие же абстрактных концептов во многих американских индейских языках объясняется тем, что «основные интересы [соответствующих] народов» долгое время сводились к занятиям, составляющим повседневную жизнь. Что до конкретных проявлений абстрактного мышления, то они разовьются, как только станут необходимы, если изменившийся образ жизни потребует этого [Ibid.: 64–66].

Сам ученый будет экспериментировать с языком кваквала индейцев квакиутль (квак-вак-вак), в котором, по его мнению, самостоятельно не встречаются формы, передающие

отвлеченные понятия. После беседы с носителем он вдруг обнаружит, что «совершенно легко развить идею абстрактного термина в сознании индейца, заявившего, что слово без притяжательного местоимения передает некоторый смысл, хотя и не используется идиоматически [“is not used idiomatically”, т. е., попросту говоря, не используется в речи — И. К.]». С помощью такого нехитрого приема Боасу удастся выделить термины для ‘любви’ и ‘жалости’, обычно встречающиеся только в составе полисинтетических конструкций и в виде притяжательных форм — ‘его любовь к нему’, ‘моя жалость к тебе’ и проч. [Ibid.: 65].

Но связь культуры с языком вовсе не представлялась исследователю такой прямой, как может показаться, и он полагал, что вряд ли возможно, чтобы морфологические особенности языка непосредственно обуславливали определенное состояние культуры. Для объяснения этой связи Боас считал исключительно важным то, что языковые явления несут, в отличие от большинства «этнологических» явлений, бессознательный характер — и классификации понятий, которыми оперирует язык, суть «группировка чувственных впечатлений (sense-impressions) и концептов, которая не является в каком бы то ни было смысле намеренной (voluntary), а имеет совершенно другие психологические причины» [Ibid.: 67]. В этом смысле язык аналогичен религии и даже тесно переплетается с ней исторически — заключал Боас, вспоминая теорию Макса Мюллера о влиянии этимологии на образование религиозных идей и сюжетов. В качестве красноречивой иллюстрации такого влияния Боас приводит миф индейцев чинук, коллизия которого полностью основана на тождестве двух слов: плывущий в каноэ человек ловит рыбу с помощью танцев; культурный герой предупреждает, что ему следует не танцевать, а ловить сетью — слова, обозначающие эти два действия, в языке индейцев чинук совпадают [Ibid.: 71].

Другим примером, когда боасовские идеи оказались слишком быстро забыты, может служить дискуссия о т. н. чередующихся звуках (alternating sounds). Ей Боас специально посвятил одну из ранних своих работ. В ней, критикуя предшественников, полагавших, что неевропейские языки, будучи эволюционно недоразвиты, должны состоять из нечленораздельных («синтетических») звуков, он доказывал, что «такого феномена как синтетические или чередующиеся звуки нет и что их явление ни в коем случае не знак примитивности речи» [Boas 1889: 52], а неспособность ранних исследователей однозначно зафиксировать непривычные европейскому уху звуки, будто бы свободно чередующиеся, объясняется не качеством последних, а действием апперцепции в духе И. Ф. Гербарта: восприятие чужого языка зависит от опыта говорения на своем собственном.

Всего лишь шестью годами позже выхода боасовской статьи Бодуэн издаст свой всеобъемлющий труд об альтернантах, причем по-немецки. Но «phonetische Alternationen» в нем — совсем не то, что «alternating sounds» у Боаса, хоть в исчерпывающей классификации всех мыслимых случаев звуковых чередований и будет предусмотрено место для явления, очевидно, им подразумеваемого: «субституции при подражании чужому произношению» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 278–279]. Естественно, интерес к публикациям Боаса в России был неизмеримо ниже. И через двадцать лет здесь все еще продолжали писать о субъективном и объективном методе в фонетике, будучи очевидно незнакомы с соответствующими разработками Боаса, запоздало приводили примеры того, как русские слышат в английском дифтонги там, где их не должно быть по мнению самих носителей и, наоборот, указывали, что таковыми в сущности надо признать русские *у* и *ы*, которые «для нашего сознания не дифтонги» [Щерба 2004: 135 и сл.]. Эксперименты на фонетическое распознавание незнакомых слов повторялись, а на суд читательской аудитории снова и снова выносились похожие выводы. Дошло до того, что академик Н. Я. Марр снова заговорил о «диффузных» звуках (они помогали ему перейти к «палеонтологии» языка, не обращая внимание на старые фонетические законы). И Щерба вынужден был напоминать, что «сложность артикуляции, по-видимому, не дает еще никакого права называть ее диффузной», при этом сузив проблему, в очередной раз воскрешенную, до особенностей употребления междометий типа русского *мпру* [Там же: 147–148].

2. Боас как фонетист

Боасовец Р. Лоуи писал о присущем своему учителю «владении филологическими приемами (philologist's tricks), включая фонетику» [Lowie 1943: 183]. Но насколько хорошим фонетистом был Франц Боас? Очевидно, что оценку его способностей поможет дать временная дистанция, хотя бы потому, что звуковой состав языков, с которыми он имел дело, изучен на сегодня гораздо обстоятельнее.

В статье «О чередующихся звуках», которую мы уже цитировали, Боас признавался, как долго не мог обнаружить в эскимосском (инуктитут) «*gdI* датских авторов» [Boas 1889: 53]. Это пример того, насколько непросто давалось ученому овладение фонетикой аборигенных языков. Но эскимосский быстро выпал из его научных интересов. Уже в первый свой визит на северо-западное побережье Северной Америки он писал: «[Р]ад, что наконец-то работаю над чем-то стоящим и новым, потому что устал от эскимосов» [FB L 09/19/1886; Rohner 1969: 22]. И, очевидно, больше не претендуя на лавры настоящего эскимосоведа, он поручил написать соответствующий раздел для «Handbook» датскому филологу У. Талбицеру. Другое дело — чинук и катламет, кваквала, цимшиан и проч. Боас долгое время слыл непревзойденным лидером в изучении языков тихоокеанского Северо-запада, представляющих, как теперь считается, Sprachbund, несмотря на всю пестроту и мозаичность. И если продолжать сюжет о латеральных или аппроксимантах, то в этих местах наблюдаются совсем уж экзотические их образцы.

В языке катламет он различал целых пять отдельных звуков указанного ряда [Boas 1901: 6–7]: *T* (перевернутое *L*), *L*, *L'*, *l* и *ll*. Для того чтобы определить, корректно ли они были слышаны, необходимо произвести атрибуцию фонетического материала в соответствии с современным уровнем знания. Но с одной стороны, катламет — вымерший язык и известен исключительно по боасовским записям, а с другой — до конца неясно, что скрывают под собой все эти значки, из-за специфического метода, которым пользовался их автор. Боас писал в письме к тому же Талбицеру, разъясняя требования к ожидаемому от него манускрипту [FB/WT 02/15/1905; Stocking 1974: 178]: «Мое стремление заключается в том, чтобы все эти грамматические очерки были чисто аналитическими, т. е. чтобы как можно тщательнее избегать взгляда с позиции индоевропейских языков». «Аналитическое» изучение языка предполагало в части грамматики выведение из текстов всех существенных деталей, вернее отношений внутри языковой структуры, по возможности без опоры на лингвистику Старого Света, а в фонологии — вычленение отдельных звуков, «очищение» их от наслоений, вызванных эффектом апперцепции. Поэтому не случайно, что на занятии, о котором вспоминал Крёбер, учитель, занятый разбором очередного текста, «забыл» разъяснить значения *q* и *k'* и остальных символов. Предполагалось, что учащиеся самостоятельно определяют их «аналитически», как раньше делал он сам. Время от времени, видимо в наиболее сложных случаях, соответствующую графему он пояснял краткой справкой об особенностях артикуляции. Иногда же ремарка содержала и простую подсказку, ср.: «*x* — *ch* в немецком *Bach*».

Стремление избежать искажений, коренящихся в психологии восприятия звуков, привело к тому, что Боас, описывая фонетические системы языков, принимал за значимое не только то, что современная наука считает фонемами, но и аллофоны, а аффрикаты мог дробить и записывать каждую часть по отдельности. Делл Хаймс, пытавшийся реконструировать фонологию и грамматику катламет на основе публикации Боаса, быстро пришел к выводу, что *T*, скорее всего, не существовало вовсе: знак появляется после *k* и *q*, а также в глагольных основах, содержащих *-kul-*. Все говорит, что это даже не аллофон, а просто неверно распознанный *L*. Точно так же и *ll* используется при транскрибировании в тех ситуациях, когда в *l* (согласно Боасу, произносится «как в английском») слышится более долгий, чем обычно, звук [Hymes 1955: 26, 39]. Глоттализированным вариантом *L* представляется *L'* — как гласит разъяснение, «тот же самый [звук] с очень сильным

напряжением, взрывной» [Boas 1901: 6–7]. Поэтому настоящей проблемой является определение сущности *L*.

Если доверять Боасу, то этот последний звук, «краткий и взрывной (exploded), глухой», соответствовал «*t* Лепсиуса» [Ibid.: 7]. Известно, что работа над «Kathlamet Texts» проводилась в Берлине в музее народоведения, во время одного из коротких возвращений Франца и Мари Боасов на родину [Cole 1999: 180]. Неудивительно, что под рукой у ученого мог оказаться Стандартный алфавит египтолога К. Лепсиуса, где *t* назван среди *explosivae* (или *dividae*) и уж точно не в группе *fricativae* (или *continuae*). Выходит, что под *L* подразумевалась глухая аффриката [Hymes 1955: 28–29].

В самых общих чертах чинукская география и лингвистическая генеалогия выглядели так: прибрежные районы охватывал нижний чинук (или собственно чинук), включая клатсоп, а течение р. Колумбия — катламет, а также верхний чинук, распадавшийся на клакамас и васко-вишрам. Клатсоп начали фиксировать еще в первой половине XIX в., и в словах этого диалекта, вымершего первым, *L* катламет соответствовал сочетаниям *kl* и *tl*, отражавшим, по всей видимости, опять-таки аффрикату. То же и в словаре Гиббса сер. XIX в. Но в ряде случаев *tl* давало фрикативный *l* в васко-вишрам [Ibid.: 31]. Теперь мы знаем, что в васко-вишрам, окончательно вышедшем из употребления столетием позже, помимо аппроксиманта *l*, присутствовала триада из глухого фрикативного *l* (*s* Лепсиуса) и двух аффрикат: глухой альвеолярной *ʃ* и такой же абруптивной *ʃ'*.

Получается, что в боасовском «алфавите» катламет вообще не осталось знака для фрикативного. В ходе образовывавшегося обмена мнениями М. Сводеш, еще один эксперт по языкам региона, обратил внимание на то, что в регионе известны языки с парой *ʃ* (аффриката) и *l* (фрикативный); без *ʃ*; но нет таких, в которых имелся бы *ʃ* и в то же время отсутствовал *l*. Он предположил, что в катламет для боковых не было характерно противопоставление фрикативного и аффрикаты и Боас ошибочно слышал аффрикату там, где на самом деле выступал фрикативный звук. Ведь и во многих эскимосских языках (диалектах) глухой *l* звучит в определенной позиции довольно сильно, поэтому-то ранние исследователи и использовали часто сочетание *dl* для его передачи. И тогда Боас пал жертвой своего первого полевого опыта — все той же апперцепции! Можно также предположить, что различать *ʃ* и *l* мешал ему родной немецкий. В последнем случае, рассуждал Хаймс, возникли бы проблемы с противопоставлением еще одной пары — велярного *x* и увулярного *χ*. Тут, однако, не выстраивается отчетливой закономерности. К тому же, мы видели, что Боас путал *L* с *T*, который по всем признакам никак не мог быть фрикативным [Hymes 1955: 27–28].

Вероятно, главной сложностью, мешавшей правильно определить весь репертуар латеральных, являлось плачевное состояние языка катламет. Боас застал трех последних его носителей, но работал исключительно с одним — Чарльзом Калти, потому что от остальных уже невозможно было получить «сколько-нибудь связных текстов» [Boas 1901: 5]. На самом деле даже у Калти, выглядевшего еще вполне традиционно, с деформированной искусственно головой, лишь бабка по линии матери принадлежала к катламет; отцом его отца был выходец из атапаскоязычных квалиоква, а матерью отца — женщина клатсоп. Чарльз женился на одной из сэлишеязычных шехэйлис (Chehalis) и почти полностью перешел на ее язык; на шехэйлис же разговаривали их дети. Антрополог использовал знания своего информанта равно для записи нижнего чинук и катламет — обоих языков родителей Калти, а также языка его супруги. При этом коммуникация, как и в прочих случаях, проходила на чинукском жаргоне. В общем счете Калти, на одну четвертую катламет, владел четырьмя языками и «не очень хорошим английским» [FB D 07/09/1890, 07/20/1890; Rohner 1969: 121; Hymes 1984: 360].

Боас трижды побывал у Калти в Бэй-Сентер (штат Вашингтон) и заключительный раз в 1894 г., всего лишь за три года до смерти «последнего из могикан» [FB/TB 07/12/1890; Cole 1999: 148]. Они корпели над рукописью в гостинице, в окружении мух и кровососущих, по девять и более часов в день, даже на Рождество, в итоге выдав полтысячи страниц текста [Cole 1999: 171]! Больше всего антропологу импонировала «intelligence» его

чинукского знакомого. Чтобы прояснить ту или иную грамматическую форму, Чарльз сразу же подбирал поясняющие примеры, раскрывающие ее наиболее наглядно. Тем не менее Боасу приходилось принимать во внимание риски интерференции, столь ожидаемые от полиглота [Boas 1894: 6]:

«Возможно, этот чинук до определенной степени перемешан с выражениями катламет, но после пристального изучения материала я делаю вывод, что в целом он чист и заслуживает доверия.

Также я получил от Калти серию текстов катламет, которые мне не кажутся такими же хорошими, как тексты чинук, но тем не менее дают хорошее понимание различий этих двух диалектов».

Языковой компетенции «разумного / интеллигентного» сказителя доверился не только его, так сказать, протектор, но и Хаймс, чей окончательный вердикт заключался в необходимости признать *l* катламет по Боасу аффрикатой [Hymes 1955: 33]. Однако к трактовке злополучного звука как фрикативного по прошествии времени вернется М. Митун, игнорируя вышеперечисленные доводы и просто, без каких-либо объяснений, заменяя в цитируемом ею фрагменте из «Kathlamet Texts» *l* на *l̥* [Mithun 1999: 383, 386]. Также и М. Силверстин, очевидно считавший эталонной фонологию верхнего чинук, будет придерживаться мнения о присутствии в катламет, как и во всех чинукских языках, группы латералов в полном составе — из глухой и глоттализованной аффрикат и глухого и звонкого континуантов [Silverstein 1990: 533].

На чем же основана такая уверенность? Возможно, на ранней догадке Сепира, обнаружившего во время своего визита к вишрам летом 1906 г., что в их языке «глухому палатализованному» *l* (представленному и в нижнем чинук, и на тихоокеанском побережье в целом) соответствует звук без характерного взрывного компонента, ср. вишрам *lun* ‘три’ при ниж. чинук *lōn*, с тем же значением. Учитывая особую фонетическую близость нижнего чинук к соседним элишским языкам, таким как шехэйлис и тилламук, он предположил, что предки всех чинукоязычных народов жили первоначально восточнее и только позднее спустились на своих добротных каноэ по реке до самого океана, где смогли усвоить звуковую систему новых соседей [Sapir 1907: 535].

Трудно, однако, сказать, был ли этот фонетический сдвиг в нижнечинукских языках полномасштабным и системным, или же он затронул лишь отдельных носителей. У самого же Боаса, по-видимому, и дальше сохраняются сомнения относительно репрезентативности материала, полученного от Калти. Публикуя в «Handbook» очерк о (нижнем) чинук с отсылками и параллелями к другим родственным языкам, включая катламет, он признаётся: «Есть (...) определенное число звуков *l*. Я не преуспел, однако, в их удовлетворительном различении» [Boas 1911: 565].

С другой стороны, как показывает история транскрибирования ученым сходных фонетических явлений в других языках региона, он должен был ко времени своего знакомства с катламет научиться слышать разницу между боковыми аффрикатами и фрикативными. В том же томе справочника Боас обращает внимание на то, что интересующий нас ряд звуков непривычно беден в цимшиан, где присутствуют лишь *l* и *l̥* [Ibid.: 283–422]. Первая боасовская публикация об этом языке вышла еще в 1889 г., а его «Tsimshian Texts» [Boas 1902] — сразу за текстами катламет. Он уверенно различает *l* и *l̥* также в очерке, посвященном кваквала [Boas 1911: 423–558]. К финальному сезону работы с Калти материалы по цимшиан и кваквала в основном уже были собраны. Как раз в 1894 г. Боас узнал, хоть и по одному тексту, что *l̥* имелся еще в одном чинукском языке — клакамас. Так что он не мог перепутать этот звук ни с каким другим [Hymes 1955: 32–33].

Дж. Стокинг воспроизводит в своем «Reader» [Stocking 1974: 120–21] начальные строки мифа «Лебедь» из «Kathlamet Texts» вместе со страничкой оригинальных полевых записей, хранящихся в Американском философском обществе. Их сравнение показывает, что деление строк на слова и морфемы сильно поменялось в процессе подготовки публикации.

В рукописи звуку *x* часто соответствует простое *x*, дважды подчеркнутое, видимо, при сверке текста. Но что касается *l*, то Боас не внес в предпечатную корректуру никаких изменений, очевидно довольствуясь тем, как зафиксировал его еще в 1894 г. Исключение составляет лишь *Qatktūlxō'mx*, 'они закончили', в котором он переправил *l* на *l* так, как если бы колебался в определении качества звука. Все указывает на то, что он уже разобравшись в их различиях.

Случай с аппроксимантами не единственный. Уже писалось, что у Боаса в начале его опыта также возникали проблемы с фиксированием глоттализации [Ibid.: 494]. Да и сам он в статье «О чередующихся звуках» рассказывал, как не менее двадцати раз прослушал два похожих слова в языке хайда — *d'aléngua* 'мы' и *daléngua* 'вы', — пока не почувствовал разницу [Boas 1889: 53]. Боас не заметил наличие «твердого приступа» (гортанной смычки) как фонемы в катламет и чемакам [Boas 1892: 37; 1901: 6–7; Hymes 1955: 33–34], хотя запись глоттализованных согласных в чемакам можно признать почти идеальной, если бы только не путаница в средствах их выражения при помощи то апострофа, то клиновидного диакритического знака. Как позже отметит М. Сводеш, «к тому времени он решил некоторые, но не все проблемы фонетики Северо-западного побережья» [Swadesh 1955: 61].

Все станет на свои места в итоговом обобщающем очерке чинук, в котором этот на самом деле трудно различаемый звук наконец будет учтен как в постпозиции ряда согласных (в катламет), так и в самостоятельном качестве (в низовом чинук) [Boas 1911: 559–678]. Но даже и на этом этапе Боас, работая за пределами тихоокеанской прибрежной зоны, нет-нет да и откажет гортанной смычке в праве быть отдельной фонемой — например, когда в резервации мохок Сент-Риджис предпримет перепроверку материалов ирокезоледа Дж. Н. Б. Хьюитта [Boas 1909; Rudes 1994: 469–470].

Возвращаясь к вопросу, выведенному в название этого раздела: в действительности потребуются десятилетия, чтобы зачинатель дескриптивной лингвистики овладел в полной мере фонетическими «приемами». И все равно лучшим фонетическим слухом, по оценке А. Гранта и Д. Косты, будет обладать не он, а Дж. П. Харрингтон из Бюро американской этнологии, имевший привычку перепрослушивать в поле каждое слово из списков, уже составленных коллегами, и твердо убежденный, что все кроме него ошибаются [Grant, Costa 1991: 409]. Или же это первенство должно принадлежать Сепиру, с легкостью прибегавшему к нотации для передачи музыкального ударения в языке такелма (штат Орегон).

3. Два уровня фонологии

Джордж Хант, полуангличанин-полутлинкит из Форт-Руперта (о-в Ванкувер, Британская Колумбия), судя по всему, не был таким же легким сотрудником, как Калти, несмотря на длительный стаж работы на Боаса. Нью-йоркскому профессору часто приходилось поправлять своего основного информанта по кваквала, который тоже не видел разницы между простым *l* и глоттализованным *l'*, не свойственной ни английскому, ни тлинкитскому. Но, кроме случаев интерференции, было еще нечто. Например, название одной из родственных групп кваккьявакв Джордж записывал как *Kwēkwak!wēm*, Боасу же слышалось *Kūkwak!ūm*. Все дело в том, что хантовский вариант, если не считать дважды употребленного шва (е), не являющегося фонемой, практически совпадает с чисто фонематической транскрипцией слова: *K^wk^wak^w'm*. Современные ученые видят здесь лабиализованные *k^w* и *k^w'*, а не сочетание из согласной *k* (либо *k!*) и гласной *ū* [Berman 1994: 493, 499].

Конечно же, учение Боаса — еще очень раннее. О фонемах лишь через десятилетия заговорит Сепир, осознавший, что его собственные информанты, как и боасовский Джордж Хант, «слышат не фонетические элементы, а фонемы», и что «ошибки», как правило игнорируемые лингвистом в практике полевой работы, могут давать ценные свидетельства в пользу динамической реальности фонемной структуры языка» [Sapir 1933; Сепир 1993: 300].

С другой стороны, имеются указания, что как минимум на исходе 1930-х Боас будет оценивать «фонематический принцип» скорее положительно, прислушиваясь к молодым исследователям. Иллюстрацией этому служит, в частности, рассказ Р. Якобсона. Как-то мэтр упомянул на своей лекции, что в языке квакиутль (кваквала) ударение падает либо на первый долгий слог, либо на второй, если первый слог краткий. Но, как быстро сообразил Роман Осипович, иррегулярность здесь лишь кажущаяся, поскольку краткий слог состоит из одной моры, а долгий — из двух, и значит, ударным всегда является слог, содержащий вторую мору слова [Jakobson 1944: 190–191]:

«Затем мы, слушатели, пошли домой под впечатлением, что этот вопрос остался для Боаса чужд; но несколько месяцев спустя, объясняя мне и Леви-Строссу образчик просодии другого индейского языка, он вдруг добавил: “Как бы Вы сказали...” — и тут же преобразовал рассматриваемое правило акцентуации, скомбинировав, как и я, подсчет мор и слогов».

Антропологи боасовского круга после ухода «гуру» займются адаптацией его наследия. И предмет для спора пополнит вопрос: была ли лингвистика Боаса «одноуровневой» (monolevel), или же его взгляды куда объемнее и современнее [Voegelin, Voegelin 1963: 14–16; Postal 1964: 269; Voegelin 1965: 1338–1339; Postal 1966; Voegelin, Voegelin 1966]. Поначалу вроде бы возобладает первое мнение. Мол, если во всем остальном он придерживался феноменологии и был противником паттернов и обобщений, но на практике все-таки вел себя как структуралист, то в фонологии не признавал фонем «как в терминологии, так и на (...) практике» [Voegelin, Voegelin 1963: 16].

Внимание Карла (Чарльза) Вогелина привлечет одна типичная черта «дофонематического» периода — разноречивость в передаче и способах упорядочения звуков, наблюдающийся в «Handbook», от очерка к очерку. И дабы восполнить упущенную якобы возможность, он попытается провести их «фонемизацию», сведя в парочку нехитрых таблиц. Начнем с консонантизма. Будто бы редактору и составителю справочника, Боасу, достаточно было лишь слегка переставить в описаниях некоторые из столбцов, чтобы расположить согласные звуки по местам их образования, начиная (слева направо) от лабиальных, дентально-альвеолярных, передне- и средненебных и до велярных, глоттальных или ларингальных. Пересечение получившихся рядов и колонок, образуемых подтипами взрывных, спирантов, латеральных, аффрикат, носовых и полугласных, будет заключать в себя все прогнозируемое разнообразие. Если же в каком-либо конкретном языке, например чинук, наблюдается асимметрия из-за отсутствия, скажем, взрывного лабиального *b* в качестве фонемы, то в соответствующем месте таблицы ставится прочерк и т. д.

Поскольку сходства всех 20 языков, оказавшихся в фокусе рассмотрения «Руководства» (цимшиан, кваквала, чинук, эскимосского, чукотского, зуны, кёр д'алейн и др.), столь же впечатляющи, как и различия, вал полевых данных в итоге должен был, по мнению Вогелина, убедить Боаса подкорректировать свой генеральный план в сторону большей ясности. «Если бы он это сделал, — рассудит Вогелин, — то вряд ли смог бы уклониться от написания чего-то в духе нижеследующего» — то есть той самой «фонемизации» [Voegelin 1952: 443]. Чтобы соблюсти историческую точность, поясним: нечто подобное Боас проделывал в своем Введении, но предупреждая, что это лишь наиболее важные серии звуков и, хоть другие авторы и пытались выработать «общую систему представления звуков», все равно она слишком громоздка «для любого конкретного языка», а посему ее использование нецелесообразно [Boas 1911: 23].

Особенно виртуозно Вогелин проведет за него работу по установлению гласных фонем. Формула вокализма хупа из северной Калифорнии будет выглядеть так: $4(\cdot) + 1 = 9$, что означает, что четыре гласные (*i, e, o, u*) образуют в этом языке симметрию в виде пар кратких и долгих, и имеется еще одна асимметричная гласная *a* — всегда только краткая. Для кваквала взамен многочисленных боасовских аллофонов будет определен такой состав: $6(\cdot) + 1 = 13$, для цимшиан — $6(\cdot) + 3 = 15$ и т. д. и т. п. [Voegelin 1952: 445]. Вообще же

с выделением гласных, своей сутью противящихся сегментации на фонемы, возникали проблемы также и у боасовских учеников. А. Крёберу, работавшему с Биллом Шекспиром, арапахо из Вайоминга, слышалось в его речи аж до 23 звуков данного типа, включая *ā* («как в *that*»), *ã* («как в *mad*»), *â* («как в *law*»), назализованные *a'* и *ã'* и т. д. [Kroeber 1902: 2]. Спустя полвека Вогелин, интервьюируя в Беркли того же информанта [Voegelin, Voegelin 1963: 16], проведет ревизию вокализма арапахо и редуцирует кажущееся многообразие всего лишь до трех «фонематически различающихся гласных» (phonemic vowel distinctions).

Однако ряд фактов подтверждает и отличное мнение — что Боас достаточно быстро пришел к различению фонетического и фонематического. «Радикально иная точка зрения», как стремился показать Пол Постэл [Postal 1964: 269], напрашивается, например, после внимательного прочтения «Заметок о языке ирокезов», в которых Боас уже противопоставлял «чисто эмпирический» метод своего предшественника (Дж. Н. Б. Хьюитта) «критическому изучению фонетики языка», подразумевавшему «систематизацию слышимых звуков» или сведение «вариаций одних и тех же звуков» к чему-то большему, что позволит распознать их «характеристики» [Boas 1909: 427]. Что это, если не признание двухуровневого характера фонологии?

То, что боасовский консерватизм может оказаться не таким уж случайным, вроде бы подтверждает также другой пример. Параллельно с работой над «Handbook» Боас участвовал еще в одном проекте. В 1903 г. поступило предложение от У. Мак-Ги, в то время главы («ответственного этнолога») вашингтонского БАЭ, составить «окончательный» и «общий» алфавит для записи индейских языков. Лидера нью-йоркских антропологов и в этом случае смущало, что такая попытка приведет к увеличению в использовании количества диакритических знаков, и он колебался, «желательно ли вообще принимать общую схему для всех языков»? Его собственная система транскрибирования, как мы видели, представлялась уже «вполне адекватной» для Северо-западного побережья, но ясно, что она же не могла быть применена к индейским языкам из других регионов [MG/FB 05/27/1903, FB/MG 05/28/1903; Darnell 1998: 195].

Несмотря на скорее прохладное отношение к идее, Боас все-таки согласился возглавить в Американской антропологической ассоциации комитет по фонетической транскрипции индейских языков, куда помимо него вошли такие крупные знатоки вопроса, как П. Э. Годдарт, Э. Сепир, А. Крёбер и на некоторое время также Дж. П. Харрингтон. Комитет столкнулся в своей работе с рядом внутренних противоречий. Крёбер, «чьи таланты лежали скорее в области этнологии, чем лингвистики» [Darnell 1998: 196], не понимал, зачем заниматься отображением тончайших звуковых оттенков. Он всерьез опасался, что такая высокая планка не позволит использовать результаты деятельности полупрофессиональных исследователей, все равно ценные. Харрингтон и Сепир настаивали на обратном. В отчет, появившийся в 1916 г., вошла таблица согласных, распределенных по точкам артикуляции, с указанием пробелов для не засвидетельствованных ни в одном языке, но теоретически возможных звуков. Новый «алфавит» настраивал на описание отношений между звуками, а не на простое их перечисление. Сепир был в восторге, хотя концепция фонемы в окончательной формулировке оставалась за ним на будущее. Если суммировать различия в позициях его и Боаса, то сепировский структурализм, несколько скороспелый, столкнулся с функциональной и контекстной этнографией со стороны председателя комитета [Ibid.: 289].

Но, вероятно, решающий аргумент, показывающий, что неприятие Боасом фонемы — не просто следствие косности и неосведомленности, а вполне продуманная реакция, содержит его переписка с А. Сасман, датированная 1939 г. Эта аспирантка, фактически самая поздняя, работала над текстом диссертации, посвященной акцентуации в языке уиннебэйго (хо-чанк), которую и защитила успешно в 1943 г., уже после смерти своего научного руководителя. В двух письмах он предостерегает 24-летнюю Амелию от заикливания на фонематической записи, объясняя, как надо относиться к ставшему популярным

методу. Ведь разница между фонематическим и фонетическим ракурсами анализа сугубо практическая. Он остановил свой выбор на фонетическом, но это вовсе не отменяет фонематической интерпретации [FB/AS 08/03/1939, 08/14/1939; Susman Schultz 1977]:

«Разрешите повторить мои возражения против записывания текста или материала фонематически. Это всегда фальсификация записи в соответствии с теорией, точно так же, как если бы биолог, описывая феномен, переделал бы его в соответствии с концепциями, к которым он пришел. (...) Фонематический анализ — это вопрос, который нужно обсуждать последовательно, основываясь на фонетическом материале, представленном настолько объективно, насколько это возможно. Если, например, вы слышите призыв между *g* и *u* и т. д. и опускаете его, потому что согласно вашей общей теории этого не должно быть, поскольку он неслоговой, то вы фальсифицируете запись в соответствии с теорией, определяющей значение на основе вашей же теории слога».

Отсюда видно, что точность фиксации материала была и оставалась главной целью для Боаса. Примерно к 1910 г. он вплотную подошел к необходимости различать оба уровня фонологии, но затем заколебался и не продвинулся дальше, в отличие от Сепира.

Очевидно, для Боаса фонема была чем-то вроде частного случая многообразных фонетических явлений. Как не упомянуть в этой связи о напутствиях «лингвистике третьего тысячелетия» Вяч. Вс. Иванова! Подобно Сепиру, ему тоже выдалось понаблюдать, как его информанты записывали кетскую речь, членив ее интуитивно. Так ли универсально значение фонематического принципа, размышлял Вячеслав Всеволодович, если в ряде языков, например в китайском, «основной фонологической единицей может быть не фонема, а силлабема» [Иванов 2004: 20], как полагал еще Поливанов, преимущество подхода которого заключалось в учете роли тона, соответствующего слогу целиком? Чтобы достичь в интерпретациях языка некоего баланса дискретного и непрерывного, Иванов призывал вернуться к идеям дофонематической и доструктуралистской «психофонетики» Бодуэна: «Для эпохи квантовых компьютеров и соответствующих им моделей мозга идея непрерывности может оказаться снова (...) не менее важной, чем дискретность была для рубежа 19 и 20 веков» [Там же: 28].

Не меньшую головоломку задает нам язык пираха (*pirahã*), единственный выживший из семьи мура-матанауи в бразильском штате Амазонас. В нем, во-первых, отмечается свободное варьирование согласных в более широком диапазоне, чем обычно допустимо для аллофонов одной фонемы, ср.: *tí píai* ‘я тоже’, но также *kí píai*, либо *kí kiai*, *pí píai*, *ʔí píai*, *ʔí ʔai*, с тем же значением. И, во-вторых, эту крайнюю невнятность произношения, как и беднейший набор фонем (8 согласных и 3 гласных), у пираха компенсируется просодией (различие тонов, длительности гласных, выраженностью ударения) и неожиданной многоуровневостью языка, позволяющей не только проговаривать, но и просвистеть, пропеть, либо промгнать высказывание. Д. Эверетт говорит о наличии у пираха целых пяти т. н. «каналов дискурса»: свиста, «мычания» (*humming*), музыкальной речи, выкриков и стандартной речи. Слово, или лучше сказать, фраза, распознается в каждом из них, прежде всего, благодаря характерному музыкальному рисунку [Everett 1982; Эверетт 2016: 193–202].

4. Презентизм и историзм в оценке боасовского наследия

Крупнейший историк антропологии Дж. Стокинг считал, что анализ трудов Боаса, подобный предпринятому К. Вогелином, является классическим примером презентизма (от *present* ‘настоящее [время]’), для которого характерно исследование «прошлого ради настоящего» [Stocking 1968: 3]. Руководствуясь таким подходом, исследователь постоянно грешит скоропалительными выводами на злобу дня. Боас как составитель «Handbook of American Indian

Languages» в самом начале первого тома благодарит авторов за то, что они откликнулись на его предложение, следуя «генеральному плану по представлению грамматики» [Boas 1911: vi]. Этого хватило Вогелину, чтобы представить дело так, будто речь шла о вполне конкретном плане, некоей законченной системе идей. Якобы во всех очерках первых двух томов чувствуется рука гения, и по большому счету они написаны им самим [Voegelin 1952: 440].

Но не существует никаких, даже косвенных указаний на то, что, например, описание такелма готовил для «Handbook» не Э. Сепир, майду — не Р. Диксон, хупа — не П. Э. Годдard и т. д. А осуществление всего проекта, несомненно, представляло для Боаса самую настоящую борьбу, как за его финансирование, так и за формирование круга из истинных соратников. Благодаря семинару в Колумбийском университете у Боаса сложилась плеяда учеников, вовлеченных в полевое изучение индейских языков. Имея у себя таких единомышленников, он выступит против привлечения к работе специалистов извне, главным образом Вашингтонцев старшего поколения, многие из которых представляли собой миссионеров, даже без профессионального образования. Но точно также отпадет ряд кандидатур из числа собственных боасовских учеников. Его первый докторант по Университету Кларка А. Чемберлен окажется неспособен написать раздел о кутенэй. Г. Сент-Клэр, ответственный за язык шошони, будет тоже исключен из списка — из-за своей необязательности. Кстати, выброшенный тем самым из науки молодой, подававший большие надежды ученый, полевые заметки которого вошли-таки в описания такелма и кууских языков, был первым, кто надоумил Боаса использовать фонограф. Не сложится сотрудничество и с Крёбером, уже обретшим место в Беркли и потому с самого начала ссылавшимся на отсутствие времени. Он напишет текст о юки, но затем обнаружит, что наделал ошибок в фонетической части, и предложит другой, о йокатс, правда опубликованный, в надежде, что Боас просто отредактирует его как надо. Но тот не станет этого делать [Stocking 1992: 71–72].

Стокинг продемонстрировал, как, несмотря на пиетет к учителю, выражавшийся в формулах признательности, жирно выведенных даже в письмах такого самостоятельного мыслителя как Сепир, все равно боасовцы — истинные авторы своих текстов. Редакторские правки самого Боаса, исключая, возможно, очерк Суантона о тлинкит, коснутся в основном необходимости выдерживать единообразие рубрикации, как и некоторых лингвистических частностей. Скажем, редактор, видя, что между хупа (одним из атапаскских языков) и тлинкитским существует морфологическое сходство, направит запрос, чтобы автор первого описания заново проанализировал глагол, а второй провел у себя классификацию префиксов [Ibid.: 72–74]. Так что стилистическая и концептуальная согласованность столь разных частей коллективного труда сигнализирует скорее о формировании реальной единой школы, нежели о диктате одного ментора, а это куда важнее и интереснее для наших целей.

Точно так же Вогелин склонен был оценивать лингвистические воззрения Боаса с позиции науки своего времени. Можно, конечно, считать открытие фонемы и в целом достижения 1930-х–50-х гг. огромным прорывом, благодаря которому чисто «этнические» (etic) описания оказались сбалансированы «эмными» (emic) структурными объяснениями. Фактически же этот период повлек за собой утрату ряда идей, в будущем важных для хомскианства, рассматривающего фонологию под углом зрения грамматики так же, как и Боас. Взгляд на язык, присутствовавший уже на боасовской стадии, затем отторгнутый, вернется в лингвистическую науку только на следующем витке ее истории [Postal 1966: 756]. Как прозорливо заметит по этому поводу Дж. Стокинг [Stocking 1992: 75]:

«[Н]а самом деле затронут достаточно важный исторический вопрос: являлся ли Боас современным структуралистом, но замаскированным историей, или же, скорее, его интересовали совсем другие вопросы, для которых упорядочение <...> звуков может быть вовсе не критичным, или с точки зрения которых менее систематическое упорядочение может оказаться более подходящим?»

Все-таки Боас мало походил на стихийного структуралиста в решении проблем грамматики, как и не был им в фонологических штудиях. В реальности, посвятивший много

усилий критике тогдашних спекулятивных теорий, он и в том, и в другом вопросе тщательно избегал окончательной категоризации.

Интерпретации, подобные вогелиновским, кажутся статичными, а выводы при таком ракурсе рассмотрения неисторичны. В противовес этому, историзм, единственно научный подход, на чем настаивает Стокинг, фактически сводится к осмыслению по поводу другого, предшествующего осмысления, «дабы постичь прошлое ради самого прошлого» [Stocking 1968: 3]. Вогелин вынес свои впечатления исключительно из прочтения самих фолиантов справочника, в отрыве от внешних условий и обстоятельств, в которых они задумывались и воплощались в жизнь. Стокинг же показал, используя соответствующие источники, особенно переписку, что боасовский замысел формировался постепенно, в течение длительного времени.

Можно заключить своего рода пауптвием, что необходимо восстанавливать максимально детально единый исторический контекст, в то время как авторы презентистских штудий довольствуются подыскиванием для своих целей отдельных аналогий. Там же, где в историографических очерках былых времен приводят перечни имен и школ лишь затем, чтобы все отвергнуть на последующих страницах, утверждая правильность «единственно верной», настоящему историку науки должен видаться нескончаемый процесс познания. Подлинно исторический взгляд на место в науке такого многогранного мыслителя, как Франц Боас, предполагает вдумчивое осмысление его наследия, а не просто оценку застывшей, закорстевшей мысли «классика».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

APS — American Philosophical Society
BAE — Bureau of American Ethnology
IJAL — International Journal of American Linguistics

Архивные материалы

FB D — Franz Boas's Diary [Rohner 1969]
FB L — Franz Boas's Letter-Diary [Rohner 1969]
FB/AS — Franz Boas to Amelia Susman [Susman Schultz 1977]
FB/MG — Franz Boas to W. J. McGee [Darnell 1998]
FB/TB — Franz Boas to Tony Boas [Cole 1999; Rohner 1969]
FB/WT — Franz Boas to William Thalbitzer [Stocking 1974]
MG/FB — W. J. McGee to Franz Boas [Darnell 1998]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Блумфилд 1968 — Блумфилд Л. *Язык*. М.: Прогресс, 1968. Пер. с англ. [Bloomfield L. *Language*. London: Allen and Unwin, 1935. Transl. into Russian.]
Бодуэн де Куртенэ 1963 — Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. [Baudouin de Courtenay J. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works in general linguistics]. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963.]
Иванов 2004 — Иванов Вяч. Вс. *Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Ivanov Vyach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millenium: Questions to the future]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
Сепир 1993 — Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс; Универс, 1993. [Sapir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works in linguistics and culturology]. Moscow: Progress; Univers, 1993.]

- Щерба 2004 — Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. 2nd edn. Moscow: Editorial URSS, 2004.]
- Эверетт 2016 — Эверетт Д. Л. *Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. Пер. с англ. [Everett D. *Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle*. London: Profile Books Ltd., 2008. Transl. into Russian.]
- Berman 1994 — Berman J. George Hunt and the Kwak'waka texts. *Anthropological Linguistics*, 1994, 36(4): 482–514.
- Boas 1886 — Boas F. Sprache der Bella-Coola-Indianer. *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 1886, 18: 202–206.
- Boas 1889 — Boas F. On alternating sounds. *American Anthropologist*, 1889, 2: 47–53.
- Boas 1892 — Boas F. Notes on the Chemakum language. *American Anthropologist*, 1892, 5: 37–44.
- Boas 1894 — Boas F. *Chinook texts*. Washington: Government Printing Office, 1894. (BAE, Bulletin 20.)
- Boas 1901 — Boas F. *Kathlamet Texts*. Washington: Government Printing Office, 1901. (BAE, Bulletin 26.)
- Boas 1902 — Boas F. *Tsimshian Texts*. Washington: Government Printing Office, 1902. (BAE, Bulletin 27.)
- Boas 1909 — Boas F. Notes on the Iroquois Language. *Putnam Anniversary Volume: Anthropological essays presented to Frederic Ward Putnam in honor of his seventieth birthday, April 16, 1909*. New York: Stechert, 1909, 427–460.
- Boas 1911 — Boas F. (ed.). *Handbook of American Indian languages*. Vol. 1. Washington: Government Printing Office, 1911. (BAE, Bulletin 40.) (As contributor: Introduction, pp. 1–83; Tsimshian, pp. 283–422; Kwakiutl, pp. 423–558; Chinook, pp. 559–678; with John Swanton: Dakota, pp. 875–965.)
- Cole 1999 — Cole D. *Franz Boas. The early years, 1858–1906*. Seattle: Univ. of Washington Press, 1999.
- Darnell 1998 — Darnell R. *And along came Boas: Continuity and revolution in Americanist anthropology*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Emeneau 1943 — Emeneau M. Franz Boas as a linguist. *American Anthropologist*, 1943, 45(3), part 2: 35–38.
- Everett 1982 — Everett D. Phonetic rarities in Pirahã. *Journal of the International Phonetic Association*, 1982, 12(2): 94–96.
- Grant, Costa 1991 — Grant A., Costa D. Some observations on John P. Harrington's Peoria Vocabulary. *Anthropological Linguistics*, 1991, 33(4): 406–436.
- Hoijsen 1954 — Hoijsen H. The Sapir-Whorf Hypothesis. *Language and culture*. Hoijsen H. (ed.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1954, 92–105.
- Hymes 1955 — Hymes D. *The language of the Kathlamet Chinook*. Ph.D. diss. Indiana Univ., 1955.
- Hymes 1984 — Hymes D. The earliest Clackamas text. *IJAL*, 50(4): 358–383.
- Jakobson 1944 — Jakobson R. Franz Boas' approach to language. *IJAL*, 10(4): 188–195.
- Kluckhohn, Prufer 1959 — Kluckhohn C., Prufer O. Influences during the formative years. *The anthropology of Franz Boas. Essays on the centennial of his birth*. Goldschmidt W. (ed.). Special issue of *American Anthropologist*, 1959: 4–28.
- Kroeber 1902 — Kroeber A. The Arapaho. *Bulletin of the American Museum of Natural History*, 1902, XVIII, part I: 1–150.
- Kroeber 1943 — Kroeber A. Franz Boas: The Man. *American Anthropologist*, 1943, 45(3), part 2: 5–26.
- Lowie 1943 — Lowie R. Franz Boas, anthropologist. *Scientific Monthly*, 1943, 56(2): 182–184.
- Mithun 1999 — Mithun M. *The languages of Native North America*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Postal 1964 — Postal P. Boas and the development of phonology: Comments based on Iroquoian. *IJAL*, 1964, 30(3): 269–280.
- Postal 1966 — Postal P. Boas: One phonological level or two? *American Anthropologist, New Series*, 1966, 68(3): 755–756.
- Rohner 1969 — Rohner R. (ed.). *The ethnography of Franz Boas: Letters and diaries of Franz Boas written on the Northwest Coast from 1886 to 1931*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1969.
- Rudes 1994 — Rudes B. John Napoleon Brinton Hewitt: Tuscarora linguist. *Anthropological Linguistics*, 1994, 36(4): 466–481.
- Sapir 1907 — Sapir E. Preliminary report on the language and mythology of the Upper Chinook. *American Anthropologist, New Series*, 1907, 9(3): 533–544.
- Sapir 1933 — Sapir E. La réalité psychologique des phonèmes. *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1933, 30: 247–265.
- Silverstein 1990 — Silverstein M. Chinookans of the Lower Columbia. *Handbook of North American Indians*. Vol. 7: *Northwest Coast*. Washington: Smithsonian Institution, 1990, 533–546.

- Silverstein 2015 — Silverstein M. From Baffin Island to Boasian induction: How anthropology and linguistics got into their interlinear groove. *The Franz Boas papers*. Vol. 1: *Franz Boas as public intellectual: Theory, ethnography, activism*. Darnell R. (gen. ed.). Lincoln; London: Univ. of Nebraska Press, 2015, 83–127.
- Stocking 1968 — Stocking G. *Race, culture, and evolution: Essays in the history of anthropology*. New York: Free Press, 1968.
- Stocking 1974 — Stocking G. (ed.). *The shaping of American anthropology, 1883–1911*. New York: Basic Books, 1974.
- Stocking 1992 — Stocking G. *The Ethnographer's Magic and other essays in the history of anthropology*. Madison; London: The Univ. of Wisconsin Press, 1992.
- Susman Schultz 1977 — Susman Schultz A. Boas on phonemics and dissertations. *IJAL*, 1977, 43(1): 56–57.
- Swadesh 1955 — Swadesh M. Chemakum lexicon compared with Quileute. *IJAL*, 1955, 21(1): 60–72.
- Voegelin 1952 — Voegelin Ch. The Boas plan for the presentation of American Indian languages. *Proc. of the American Philosophical Society*, 1952, 96(4): 439–451.
- Voegelin 1965 — Voegelin Ch. Review of: Shipley W. F. *Maidu Grammar*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1964. *American Anthropologist*, 1965, 67(5): 1338–1340.
- Voegelin, Voegelin 1963 — Voegelin Ch., Voegelin F. On the history of structuralizing in 20th-century America. *Anthropological Linguistics*, 1963, 5(1): 12–37.
- Voegelin, Voegelin 1966 — Voegelin Ch., Voegelin F. A reply to Postal. *American Anthropologist, New Series*, 1966, 68(3): 756–757.
- Zumwalt 2019 — Zumwalt R. *Franz Boas: The emergence of the anthropologist*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2019.

Получено / received 08.05.2021

Принято / accepted 21.03.2023